

ЗНАЧЕНИЕ ФАКТОРА ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ДОСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ КОДИФИКАЦИИ ПРАВА В РОССИИ

Марианна Христефоровна Феодорова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия, mari_anna.08.1988@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению значения фактора грамотности населения на кодификацию права в досоветский период истории Российского государства. На основе анализа эмпирических материалов, данных исследователей, текстов памятников права автор приходит к выводу о том, что наряду с формированием общенационального языка грамотность населения следует признать важной предпосылкой перехода к единому правовому порядку. В статье доказывается, что распространение письменной культуры среди русского населения способствовало эволюции права от произвольных казуальных к системным юридическим формам.

Ключевые слова: кодификация, грамотность, позитивное право, русская правовая культура, закон, история права, правовой обычай

Для цитирования: Феодорова М. Х. Значение фактора грамотности населения в досоветской истории кодификации права в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 4. С. 53–57. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-53-57>.

Problems of Ensuring Unity and Harmony in Russian Society

Original article

THE IMPORTANCE OF THE POPULATION LITERACY FACTOR IN THE PRE-SOVIET HISTORY OF LAW CODIFICATION IN RUSSIA

Marianna Kh. Feodorova

Rostov State Economic University (RINH), Rostov-on-Don, Russia, mari_anna.08.1988@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the significance of the literacy factor of the population for the codification of law in the pre-Soviet period of the history of the Russian state. Based on the analysis of empirical materials, data from researchers, texts of monuments of law, the author concludes that, along with the formation of a national language, the literacy of the population should be recognized as an important prerequisite for the transition to a unified legal order. The article proves that the spread of written culture among the Russian population contributed to the evolution of law from arbitrary casual to systemic legal forms.

Keywords: codification, literacy, positive law, Russian legal culture, law, history of law, legal custom

For citation: Feodorova M. Kh. The importance of the population literacy factor in the pre-soviet history of law codification in Russia. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(4):53–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-4-53-57>.

Развитие права на протяжении нескольких тысячелетий связано с феноменом кодификации, имеющим не только историческое, но и современное значение. Как справедливо отметил Р. Кабрияк, мода на создание кодексов как средства прогрессивного развития права не проходит несколько тысячелетий [1, с.28]. Кодификация права, характерная как для восточной, так и европейской правовой культуры, продолжается и в XXI в. Так, в современной России кодификационные работы делятся более трех десятилетий, а в юридической науке кодификация по-прежнему считается эффективным способом упорядочения стремительно усложняющихся общественных отношений.

Выбор грамотности как фактора, определяющего процесс кодификации обусловлен тем, что это один из критериев состояния общества, дающий в отличие, например, от менталитета и правосознания, конкретные представления не только об уровне и функциональности образования, науки, техники, но и социальной востребованности этим обществом правовой определенности как главной предпосылки для проведения кодификационных работ.

Кодификация права связана с развитием письменной культуры и в значительной степени определяется уровнем грамотности населения. К примеру, древние русские кодексы фактически представляли собой письменный свод правовых обычаев в форме княжеских установлений. Тем самым гибким, разнообразным, изменчивым, устным традиционным правилам поведения придавалась устойчивая форма. Такая форма обеспечивала не только стабильность, но и легитимность права. Письменным доказательством тому, служат древнейшие правовые славянские тексты и прежде всего Русская Правда, Псковская судная грамота.

Многовековое действие данных средневековых кодексов, как представляется, определялось низким уровнем грамотности русского населения и не востребованностью письменного права среди широких слоев населения. Поэтому результатами первых кодификаций были судебники, которые имели распространение в основном в сфере судопроизводства.

Точные данные об уровне грамотности россиян предоставить невозможно. Как справедливо отмечает Б. Н. Миронов, широта распространения грамотности особенно в период Древней Руси «зависит от воображения историка» [2, с. 24-47]. Однако средний показатель, который удалось установить на основе анализа данных различных исследователей, позволяет утверждать, что навыком читать и писать в X-XIII вв. владело порядка 1,3% населения старше 9 лет [3, с.206-207].

Такой уровень грамотности не способствовал отказу от устной формы правовых установлений. В том числе и поэтому деятельность первых русских законодателей ограничивалась отбором и письменной фиксацией правил поведения, сложившихся, устоявшихся и воспринятых в общественном сознании как освященные традицией. Полагаем, что придание письменной формы и упорядочение устоявшихся правовых норм не вносило в русское право новых смыслов даже в XVI веке [4, с.24].

Новая юридическая норма могла возникнуть в областях свободных от действия правовых обычаев. Поэтому действие первых актов позитивного права ограничивалось и по кругу лиц, и по сферам применения. Так, судебники XV-XVI вв. устанавливали для судей определенные образцы для вынесения решений по конкретным делам и при этом имели региональную специфику.

Формально только Судебник 1497г., а фактически Судебник 1550г. имели обязательную силу на территории всего Русского государства. При этом они регулировали в основном вопросы судостроительства и судопроизводства.

По мере усложнения задач и централизации государственного управления, развития ремесленного и торгового оборота увеличивается письменный документооборот, число частных актов и различной делопроизводственной документации, в том числе юридических актов. К концу XVII в. уровень грамотности резко возрастает особенно у горожан. Так, статистика подписей в судебных делах позволяет выявить 24% грамотных москвичей. Анализ более массовых данных о поголовных допросах свидетелей дает 13% показатель грамотности мужского населения Москвы [5, с.160-161]. Аналогичные цифры выявили исследователи и по другим городам [6, с. 45-46]. Однако средний уровень грамотности населения старше 9 лет составляет примерно 2,5%.

К концу XVIII в. средние показатели грамотности у городского и сельского населения существенно не меняются (горожане – 20-25%, крестьяне – 1-12%). При этом происходит значительная дифференциация уровня грамотности по сословному, территориальному и половому признакам. В частности, грамотность дворянства составляла около 85%, духовенства – 75% [7, с.327]. При этом в целом грамотность населения старше 9 лет составляет не более 4%. Из крестьян Архангельской губернии наиболее грамотными (12%) были государственные и экономические.

Грамотность женщин остается слабо изученной темой и данные по ней имеются только на конец XIX в. Они показывают, что грамотных женщин было в 7 раз меньше, чем мужчин [8, с.124-128]. Средний показатель грамотных в России в середине XIX в. – 13%, а к концу века –

30% населения. При этом по уровню грамотности Россия отставала от европейских стран примерно в 2 раза и максимума данный разрыв достиг в конце XIXв., увеличившись еще на 20% [9, с.203].

С учетом того, что вплоть до конца XIXв. грамотность приобреталась не на всякий случай, а по потребности, то следует признать, что данный фактор позволяет выявить и круг лиц, имевших как правокультурный запрос на появление различных форм позитивного права, так и осознававших необходимость проведения кодификационных работ. И круг таких лиц стремительно увеличился именно в XIX столетии, по подсчетам Б. Н. Миронова, более чем в 8 раз [2, с.40-41]. Кроме того, развитие грамотности способствовало профессионализации юридического знания. Особенно это касается творческого интеллектуального процесса кодификации, предполагающего подготовленного субъекта для осуществления данного вида юридической деятельности.

Как писал профессор С. Жинульяк, право предлагать перемены в праве принадлежит «лишь тем счастливо одаренным от природы людям, которые в состоянии одним порывом гения своего и как бы внезапным вдохновением проникнуть во всю систему государственного устройства» [10, с.36-40]. На недостаток способных и подготовленных людей как причину неудач кодификационных работ начала XIXв. указывали российские государственные деятели [11, с.312].

Вопрос о взаимосвязи качественных характеристик грамотности и состояния национальной юриспруденции практически не изучен в науке и является актуальной исследовательской задачей. Грамотность обусловлена целым рядом объективных (развитие торговли, ремесла, промышленности, науки, банковской системы и др.) и субъективных (менталитет, религиозные верования, отношение к образованию и научному знанию и др.) факторов и в свою очередь влияет на все вышеизложенное.

Например, развитие грамотности в Древней Руси справедливо связывается с влиянием православной культуры, но это влияние привело и к недоверчивому отношению к научному рациональному знанию, причем не только в делах веры. Европейское научное знание воспринималось как источник негативного влияния католичества на сознание россиян и их веру. Высшие социальные ценности формировались посредством чувственного мирозерцания и нравственного подвига.

Вплоть до начала XVIII в. в России отсутствовало систематическое светское образование, под запретом был латинский язык, считавшийся международным языком научного, в том числе и юридического знания. За исключением дипломатов и высших сановников у россиян не было возможности взять в руки латинскую книгу [12, с.84]. Наличие языкового барьера становилось серьезным препятствием изучения теоретической и практической юриспруденции, достигшей в Европе XVII-XVIIIв. значительных успехов.

В XVIIIв. латынь получила незначительное распространение в России, но так и осталась языком «докторов», а в конце этого века статус международного научного языка переходит к французскому языку, ставшему и языком российского дворянства. Тем самым целый пласт юридических первоисточников был доступен первым российским правоведам в изложении французских, немецких и английских ученых.

Все это объясняет особое внимание российских кодификаторов конца XVIII – начала XX вв. к французскому опыту и модели кодификации. Только образованный народ может делать сознательный политический выбор и организовывать правовыми средствами общественную жизнь. Такого мнения придерживались не только философы – просветители (например, Т. Гоббс [13, с. 245]), но и отечественные мыслители. В частности, известный русский физиолог И. П. Павлов в подтверждение невежества русского народа приводит следующий пример, когда русские солдаты возвращались с турецкого фронта из-за опасности чумы их сажали на карантин. Такие действия вызывали у них протест, а угрозу чумы они воспринимали как «буржуазные штучки» [14].

Как справедливо отметил Г. И. Вернадский ускоренное восприятие западноевропейского культурного опыта, начавшееся в России в XVIIIв. оказалось доступным только для аристократических сословий [15, с.20]. В это время основная масса русского народа оставалась оторванной от передовых достижений юриспруденции не только в силу наличия сословных ограничений, но и по причине безграмотности.

Анализ статических и иных эмпирических данных, свидетельств современников подтверждает вывод о низком уровне грамотности в досоветской России особенно среди крестьянского населения, которое составляло на различных этапах рассматриваемого периода от 80 до 86% населения. Такая ситуация приводила к длительному отсутствию социальной потребности в формальной рационализации права как проявление низкого уровня и ограниченной функциональности грамотности в российском обществе.

В народной среде грамотным вплоть до конца XIX в. считался человек, умеющий читать. Для подтверждения сказанного приведем следующие данные, из 290 волостных судей 33 волостей Саратовской губернии грамотными оказались только 33 человека. Причем все они проживали в 16 волостях, а в 17 волостях губернии все волостные судьи были безграмотными. Грамотным называли того, кто невнятно умел читать и «безобразными» буквами написать, где ему укажут, «руку приложил такой-то» [16, с. 42, 44].

Сословная диспропорция среди грамотных россиян приводила к аналогичной диспропорции круга лиц, в отношении которых действовало позитивное право. Не более четверти россиян могли осознавать социальную ценность российского законодательства, а значит быть заинтересованными в проведении его кодификации. Резкий дисбаланс уровня грамотности различных сословий препятствовал складыванию общеобязательных требований должного и возможного поведения субъектов права, что в конечном счете сдерживало формирование единого национального позитивного права.

Безграмотность крестьянства приводила к длительному господству обычного права, существовавшего в устной форме и отличающегося такими чертами как партикуляризм, формальная неопределенность и вариативность, религиозно-этический и мифологический характер. Отечественными правоведами доказана роль обычного права как действующего источника права в крестьянской среде вплоть до середины XX века [17, с. 15–20]. Обычному праву в русской правовой культуре приписывается сакральное значение, освященное волей мифических предков. Поэтому эти установления считались неизменными и существенно ограничивали сферу действия и авторитет законодательства.

В некоторой степени низкий уровень грамотности предопределил приоритет нравственности над правом, противопоставление российской и западноевропейской правовой культуры как специфическую черту общественного сознания россиян. Право многими россиянами рассматривается в качестве проводника западноевропейской культуры и угрозы национальной самобытности России.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что наряду с формированием общенационального языка грамотность населения следует признать важной предпосылкой для осознанного перехода к единому правовому порядку. Распространение письменной культуры среди населения способствовало эволюции права от произвольных казуальных к системным юридическим формам. Данный процесс определял и содержание кодификационных работ. От закрепления и упорядочения сложившихся на практике правил поведения российские кодификаторы к концу XIX в. переходят к созданию кодифицированных актов современного типа, основанных на общеевропейских правовых принципах, новейших научных разработках и образцах.

Список источников

1. Кабрияк Р.К. Кодификации / Пер. с фр. Л. В. Головки. – М.: Статут, 2007. 476с.
2. Миронов Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет // *Studia Humanistica*. 1996. Исследования по истории и филологии. СПб., Блиц, 1996. С.24-26.
3. Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII веках. Л., 1978. 241 с.
4. Шатковская Т. В., Феодорова М. Х. Первая кодификация российского позитивного права: к юбилею Судебника 1550г. // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2020. № 3. С. 22-30.
5. Богоявленский С. К. Научное наследие: о Москве XVII в. Москва: Наука, 1980. 271 с.
6. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск, 1974. 252с.
7. Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767г. // *Русская старина*. 1915. Февраль. С. 322–340.

8. Благовещенский Н.А. Сводный статистический сборник хозяйственных сведений по земским подворным переписям. Т.1. М., 1893. 264 с.
9. Страны социализма и капитализма в цифрах: Краткий статический справочник. М., 1966. 224с.
10. Жинульяк С.О кодификации и ее влиянии на законодательство и на науку права // Журнал Министерства Юстиции. 1876. Кн. 6/7. – С.36-40.
11. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского М. М. СПб., 1861. Т.II. 283с.
12. Воробьев Ю. К. Латинский язык в России XVI - первой трети XIXв. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2015. 140с.
13. Гоббс Т. Сочинения в 2-х томах. Том 2. М.: Мысль, 1991.
14. Павлов И. П. О русском уме. Лекция прочитана в мае 1918 года в Петрограде // <http://modernproblems.org.ru/intellig/189-pavlov.html> (дата обращения 3.07.2021).
15. Вернадский Г. В. Русская история. Учебник. – М.: «Аграф», 1977. 542с.
16. Птицын В. В. Обычное судопроизводство крестьян Саратовской губернии. СПб., 1886. 187 с.
17. Шатковская Т. В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. №4. С. 15-20.

References

1. Kabriak R.K. Codifications / Per. with fr. L. V. Golovko. M.: Statut, 2007. 476p. (In Russ.)
2. Mironov B. N. Development of literacy in Russia and the USSR for a thousand years. *Studia Humanistica*. 1996. *Studies in History and Philology*. SPb.: Blitz; 1996: 24–26. (In Russ.)
3. Sapunov B.V. Book in Russia in the XI-XIII centuries. L.:1978. 241 p. (In Russ.)
4. Shatkovskaya T.V., Feodorova M. Kh. The first codification of Russian positive law: to the anniversary of the Code of Law 1550r. *North Caucasian legal bulletin*. 2020; (3): 22-30. (In Russ.)
5. Epiphany S. K. Scientific heritage: about Moscow XVII century. Moscow: Science; 1980. 271p. (In Russ.)
6. Kopylov A. N. Essays on the cultural life of Siberia in the XVII th - early XIX th centuries. Novosibirsk; 1974. 252 p. (In Russ.)
7. Bochkarev V. Cultural inquiries of Russian society at the beginning of the reign of Catherine II based on the materials of the Legislative Commission of 1767. *Russian antiquity*. 1915. February: 322 - 340. (In Russ.)
8. Blagoveshchensky N.A. Consolidated statistical collection of economic information on zemstvo household censuses. Vol. 1. M.: 1893. 264p. (In Russ.)
9. Countries of socialism and capitalism in numbers: A short static reference book. M.: 1966. 244p. (In Russ.)
10. Zhinuliak S. On codification and its impact on legislation and the science of law. *Journal of the Ministry of Justice*. 76. Book. 6/7: 36-40. (In Russ.)
11. Korf M. A. Life of Count M. M. M. Speransky St. Petersburg: 1861. T. II. 283p. (In Russ.)
12. Vorobiev Yu. K. Latin language in Russia XVI - first third of the XIX century. Saransk: Publishing house of the Mordovian University; 2015. 140 p. (In Russ.)
13. Hobbes T. Works in volumes. Volume 2. Moscow: Mysl; 1991. (In Russ.)
14. Pavlov I. P. About the Russian mind. The lecture was delivered in May 9 in Petrograd // <http://modernproblems.org.ru/intellig/9-pavlov.html> (date of access 03.07.2021).
15. Vernadsky G. V. Russian history. Textbook. - M.: "Agraf"; 1977. 542 p. (In Russ.)
16. Ptitsyn V. V. Usual legal proceedings of the peasants of the Saratov province. SPb.: 1886. 187p. (In Russ.)
17. Shatkovskaya T.V. Experience of reconstruction of the legal traditions of the Russian people based on acts of the Russian state of the period of the empire. *North Caucasian legal bulletin*. 2013; (4): 15- 20. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Х. Федорова - аспирант

Information about the author

M. Kh. Feodorova – graduate student

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 02.12.2021.